

ЕКАТЕРИНА МЕЛЬНИКОВА*

ГУССЕРЛЬ, ХАЙДЕГГЕР И ЛАСК**

УЧЕНИЕ О СМЫСЛЕ И ЗНАЧЕНИИ

Получено: 03.04.2023. Рецензировано: 04.03.2024. Принято: 15.04.2024.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности феноменологического учения о значении на материале «Логических исследований» Гуссерля, некоторых из ранних трудов Хайдеггера, а также «Логики философии и учения о категориях» Ласка. Автор полагает, что многие идеи учения неокантианца Ласка могут быть вписаны в более общую логику феноменологического метода и даже способны усиливать отдельные тезисы феноменологии. Цель настоящей статьи — показать, что Гуссерль, Хайдеггер и Ласк в своих трудах развивают сходные интуиции, которые делают исследование феномена значения одним из центральных элементов их философских учений. Для этого в первой части статьи раскрывается содержание основных понятий, которые имеют наиболее непосредственное отношение к феноменологическому учению о значении, уточняется специфика актов, придающих значение и интуитивных актов. Демонстрируется, что интенция значения в феноменологии обладает собственным содержанием, которое нельзя исчерпать как в восприятии и созерцании, так и в «психическом переживании». Во второй части статьи обсуждается феноменологическая трактовка понятия интенциональности у Гуссерля и раннего Хайдеггера. Феноменологическая идея интенции значения противопоставляется здесь истолкованию интенциональности у Brentano, которое опирается на учение о ментальных феноменах. В этом разделе отмечается, что, в отличие от учения Brentano, в рамках феноменологического учения об интенциональности формируется вовсе не «теория представления», но философская «теория значения», в которой значение не редуцируется к ментальности, но понимается исключительно как языковое явление. Кроме того, демонстрируется связь феноменологической теории интенциональности и трехуровневой семантической модели, предполагающей возможность конституирования в языке отдельного смыслового уровня — смыслового универсума. В заключительной части статьи феноменологический подход получает интерпретацию в его сопоставлении со стратегией «панархии логоса» Ласка. Через учение Ласка об отношении «мира» значимых форм к области действительного в этом разделе выявляются некоторые из онтологических предпосылок учения о мире феноменов.

Ключевые слова: ранняя феноменология, Гуссерль, ранний Хайдеггер, Ласк, интенция значения, смысл, феномен, выражение.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-162-182.

*Мельникова Екатерина Васильевна, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), ek.melnikova@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3937-1429.

**© Мельникова, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ВВЕДЕНИЕ

Феноменологическое движение, инициированное Гуссерлем в начале прошлого столетия, началось как «прорыв» феноменологической философии, который связывается с идеями, изложенными в «Логических исследованиях». В этом труде Гуссерль предложил подход к философии, который во многом зиждется на анализе восприятия. Однако в первых книгах предметом исследования становится скорее следующее положение: всякое восприятие может быть понято и выражено в звуковых и письменных знаках. Здесь же формулируются вопросы, которые образуют *исходную проблематику* феноменологического учения: почему слова, будучи языковыми знаками, вообще означают нечто? почему мышление осуществляется как языковое выражение? какова роль и статус языкового знака? в чем состоит принципиальное отличие языковых знаков от знаков иного рода? и др. Иными словами, феноменология «Логических исследований» по сути дела начинается с *феноменологии языкового выражения*. Последняя, в свою очередь, постепенно возрастает до философского «*Bedeutungslehre*» — «учения о значении», — кульминацией которого становится концепция категориального созерцания, изложенная в последнем, VI «логическом исследовании».

Таким образом, феноменологическая философия оказывается центрированной языковой проблематикой. В данной связи следует сказать, что само ее становление пришлось на первую половину XX столетия — на тот период, когда проблема языка выдвигается в центр всей философской проблематики. Этот период, однако, кроме прочего, был отмечен разрушением традиционных представлений о роли языка в познании. В исследовательской литературе он часто осмысливается как «поворот» в философии или как новый *критический* этап, перейдя границы которого невозможно более рассматривать философские проблемы, игнорируя анализ языка. Однако, стоит отметить, что место феноменологии в общем идейном контексте «лингвистического поворота» остается на данный момент неопределенным. С одной стороны, феноменологическая философия определенно сыграла свою роль в становлении этой общей тенденции. Однако современными исследователями она скорее противопоставляется философии языка, поскольку отмечается, что корни феноменологического обращения к языковым проблемам уходят в «докритическую» в отношении языка философскую проблематику (см. Mattens, 2008: X). Это, конечно, не делает феноменологическую «теорию смысла и значения» менее значимой. Как указывает Ж. Бенуа,

на сегодняшний день она остается одной из немногих философских теорий, исследующих феномен значения, которая способна распознать *специфику самого значения* и исследовать его без редукции значения к ментальности или иному неязыковому феномену (Benoist, 2008: 223).

В данной статье мы попытаемся пролить свет на феноменологическое видение феномена значения, которое сделало исследование этого феномена центральным элементом философских учений многих мыслителей, так или иначе причастных к формированию этой школы. Для этого мы обратимся к первым «Логическим исследованиям», в том числе к изданным позднее дополнениям к ним (Husserl, 2005), к отдельным трудам раннего Хайдеггера, а также к «Логике философии и учению о категориях» неокантианца Ласка, многие идеи которого согласуются с внутренней проблематикой феноменологии. В первой части статьи будет рассмотрена специфическая идея феноменологической философии, предполагающая созерцательное исполнение всех значений, а также поставлен вопрос о концепции языка, в рамках которой осуществляется феноменологический анализ интенциональности. Вторая часть исследования будет посвящена феноменологическому истолкованию интенциональности как реализации значения (Гуссерль) и как «проектирования» на некое целое значимости (Хайдеггер). В ней будут эксплицированы отличия феноменологического понятия интенциональности от понятия интенциональности у Brentano в контексте ухода феноменологии от учения о ментальных феноменах и ее обращения к идее *интенции значения*. В третьей части мы обратимся к логико-философскому учению неокантианца Эмиля Ласка, которое может быть истолковано как связующее звено между феноменологическим учением Гуссерля и феноменологической онтологией раннего Хайдеггера. Главным образом здесь будет рассмотрена философская стратегия Ласка, получившая название «панархии логоса», которая, как будет показано, способна дополнить феноменологическое учение о смысле.

ИДЕЯ ФЕНОМЕНОЛОГИИ: ЗНАЧЕНИЕ И СОЗЕРЦАНИЕ

Одна из самых влиятельных трактовок понятия «феноменология» представлена во введении к «Бытию и времени» (см. Heidegger, 1967: 34–39). Хайдеггер здесь отмечает, что идея феноменологии получает свое выражение в названии, которое состоит из двух корневых основ: «феномен» и «логос». Однако, согласно Хайдеггеру, такое понятийное соединение должно было не просто обозначить некую новую философскую дисциплину — «науку о феноменах», но показать «внутреннюю

связь» — формальное и структурное *единство смысла* этих понятий¹. Чтобы эту связь продемонстрировать, философ прибегает к своеобразной «этимологической археологии» (Черняков, 2001: 184), в результате которой обе эти корневые основы оказываются возведены к единому глаголу ἀποφαίνεσθαι. Подлинным значением понятия феноменологии, таким образом, оказывается не что иное, как ἀποφαίνεσθαι τὰ φαινόμενα — «разрешение видеть то, что себя кажет так, как оно само себя кажет, исходя из него самого» (Heidegger, 1967: 34).

Цель такой «этимологической археологии» просматривается в следующем: феноменологическая «созерцательная полнота» как предельная цель всякого философского вопрошания, согласно Хайдеггеру, должна быть понята в ее неразрывном единстве с «логосом» как неким *смыслом* или даже — *выражением*. Иными словами, феноменология трактуется у Хайдеггера в качестве самого подхода к работе с философскими понятиями, поскольку без философского понятия — как указывает Хайдеггер, — то, с чем мы регулярно сталкиваемся в повседневном опыте и то, что известно нам только через «знакомство» (*bekannt*), будучи «само собой разумеющимся», остается не определенным в своем существовании — само его бытие оказывается неопознанным (Heidegger, 1991: 233). Философские категории в этом отношении — это особого рода значения, «наброски», как их называет Хайдеггер, в которых раскрывается «внутренняя возможность бытия сущего» (*ibid.*).

Если, однако, обратиться к рецепции феноменологии, то можно увидеть, что сущность феноменологии понималась по-разному. Изначально она возникает как новая дисциплина — «феноменологическая философия» или — как это часто подчеркивается в трудах не только Хайдеггера, но и Гуссерля, — «фундаментальная наука философии» (*die Grundwissenschaft der Philosophie*) (см.: Husserl, 1976: 3). Тем не менее на самых ранних этапах своего становления она оказала влияние, будучи также воспринятой в качестве «философской пред-дисциплины», реализующей задачу прояснения фундаментальных понятий логики (Heidegger, 1993: 30–31). В некоторой степени такая рецепция согласуется с идейным планом, намеченным Гуссерлем к «Логическим исследованиям», поскольку первая книга этого труда распознает в качестве основной проблемы,

¹ Согласно комментарию к этому месту А. Г. Чернякова, «логос» есть «выявляющая сила» и «среда показывания» для того, что требует речевой артикуляции, чтобы стать очевидным, то есть — для феномена (см. Черняков, 2001: 184).

препятствующей осуществлению философского исследования, неоднозначность логических понятий и возникающие отсюда многочисленные эквивокации в логических рассуждениях. Вместе с тем, по своей структуре «Логические исследования» представляют собой ряд «восхождений», в котором языковой анализ (*Sprachanalyse*) предшествует анализу мышления (*Denkanalyse*), а последний, в свою очередь, не останавливается на анализе исключительно дискурсивного и сигнитивного мышления, но восходит далее к анализу наполненного мышления — к анализу созерцания (*Anschaunungsanalyse*) и его ступеней (Husserl, 2005: 22).

Итак, согласно этому плану видно, что феноменологическое исследование логически-языкового лишь предваряет «восхождение» к более глубинным слоям сознания. Потому в дальнейшем даже среди исследователей феноменологии возникает вопрос о той роли, которую язык играет в самом процессе конституирования смысла. Показательно, например, что в более поздней рецепции феноменология будет часто противопоставляться «философии языка» и осмысляться как философия «видения», а «внеязыковой» характер ее первофеноменов при этом будет обосновываться посредством ссылки на «молчаливое свидетельство сознания о самом себе» (см. Benoist, 2008: 217). Следует сказать, что подобные представления о «доязыковых первофеноменах» должны вернуть нас к старой концепции языка, в которой язык принимает на себя функции медиума — выступает в качестве «прозрачной» среды, транслирующей познаваемые истины или же, напротив, если принять во внимание контекст феноменологической борьбы с эквивокациями, — в качестве помехи на пути к чистому созерцанию (см. Михальский, Твердислова, 2010: 51–52). Однако действительно ли концепция языка, рассматривающая язык и его значения в качестве только лишь несовершенного средства на пути к истинному познанию, согласуется с идеями, изложенными в «Логических исследованиях» Гуссерля?

Стоит начать с того, что представление о существовании самих в себе «истин», которые при языковом означивании облекались бы в слова как в «языковую одежду», Гуссерль явным образом отвергает (см. Husserl, 2005: 22). Эта распространенная в то время метафора очевидно отсылает к идее языка как лишь внешней и несовершенной форме ре-презентации смыслов, которую приобретает мысль в результате означивания. Данный фрагмент можно сравнить, например, с одним из центральных положений «Логико-философского трактата», где Витгенштейн, напротив, указывает: «Язык переодевает мысли. Причем настолько, что

внешняя форма одежды не позволяет судить о форме облаченной в нее мысли» (Wittgenstein, Pears & McGuinness, 2001: 22, 4.002).

В отличие от Витгенштейна, Гуссерль, таким образом, полностью отождествляет *логическое значение* и *выражение* (Husserl, 1976: 286). «Мысль», согласно Гуссерлю, никак не может быть отделена от ее выражения. Выражающее означивание с точки зрения феноменологии языкового выражения — это специфическое конституирование, направленное на выражающий *знак*, в силу которого знак становится *носителем значения*. Оно есть конечный этап формирования *интенции значения*. При этом Гуссерль стремится к анализу языка, в котором язык был бы взят не в качестве знаковой системы или «верхнего» и, если следовать феноменологической метафоре, предложенной Гуссерлем в «Идеях» (ibid.: 287), — непродуктивного «слоя» сознания. Специфическая область феноменологического исследования определяется здесь как более узкая сфера, в которой *знак становится носителем значения* — сфера «одушевляющих» актов *придания значения* и *осуществления значения*.

В феноменологическом анализе восприятия эти акты выполняют ключевую функцию. Так, главный тезис первых «логических исследований», как представляется, состоит в следующем: всякое восприятие, поскольку оно предметно, может быть выражено посредством речевых знаков. Однако, необходимо также отметить, что любое значение, согласно Гуссерлю, обладает специфическим «преизбытком» (*Überschuss in der Bedeutung*) по отношению к воспринятому. Потому он также утверждает, что *содержание* интенции значения хотя бы даже частично нельзя получить из созерцания или восприятия (Husserl, 1984: 555–556) и что *созерцательное исполнение* как «осуществление значения» не вносит «вклад» в само значение (ibid.). Значение как языковое выражение, таким образом, остается главным предметом феноменологического исследования, без которого «феноменология созерцания» была бы невозможна. Кроме того, полагая этот зазор между тем, *что* выражает значение и воспринятым, Гуссерль очевидно рассматривает именно *язык* как сферу, в которой опыт может быть выражен наиболее *адекватным* образом. Этой предпосылкой, как будет показано далее, обусловлено феноменологическое учение об интенциональности, в котором всякий, даже самый простой, акт изначально пронизан языковой экспрессивностью.

УЧЕНИЕ О ЗНАЧЕНИИ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ

Специфика феномена значения, как уже было отмечено, исследуется Гуссерлем главным образом в «Логических исследованиях». Первое «логическое исследование» — как и последующие, — посвящено проработке базовых феноменологических дистинкций, таких как различие знака как указания и знака как выражения, предмета как реального коррелята акта и значения как идеального, интенции, придающей значение, и интенции, исполняющей значение, и др. Первая дистинкция фиксирует особый статус всех речевых знаков, которые, по Гуссерлю, представляют собой «значимые знаки» (*bedeutsame Zeichen*). Это означает, что, в отличие от других знаков, у речевых знаков есть два модуса функционирования: они функционируют и как указание и как выражение (*Ausdruck*). Иными словами, речевые знаки не только означают нечто, они обладают смыслом. Более того, Гуссерль замечает, что речь конституируется посредством письменных или устных знаков — «колебаний голоса», — однако «воспринимаемая» речевые знаки, мы не столько видим и слышим их как нечто внешнее, сколько непосредственно понимаем их значения (см. Гуссерль, Молчанов, 2011: 43). А поскольку понимание значения никогда не бывает мотивировано самим восприятием знака, Гуссерль заключает, что наряду с актом восприятия должен иметь место некий иной «акт», как бы «одушевляющий» это восприятие, то есть — интенция значения (см. там же: 40).

В центре внимания, таким образом, оказывается проблема языкового выражения, от которой Гуссерль переходит к рассмотрению непосредственно самой интенции значения и ступеней ее созерцательного осуществления. Феноменологическую «теорию значения» потому невозможно представить вне ее контекста — учения об интенциональности сознания. Однако это обстоятельство часто служит поводом к тому, чтобы понять феноменологическое учение о значении в качестве попытки вывести сам феномен значения из психической или ментальной жизни сознания, то есть — редуцировать значение к иному, *неязыковому* феномену (Benoist, 2008: 220–223). Однако действительно ли рассмотрение феномена значения в рамках анализа интенциональности предполагает обоснование значения в качестве ментального феномена? Для того чтобы ответить на этот вопрос следует сначала обратиться к самой идее интенциональности и уточнить специфику феноменологического понятия интенциональности.

Так, известно, что это понятие восходит к учению Ф. Brentano, в котором оно действительно оказывается связано с представлением о существовании ментальных феноменов. Как и многие психологи, Brentano исходит из идеи о том, что область «бытия» в целом делится на сферы «физического» и «ментального». Иными словами, существуют феномены «физические» и существуют феномены «психические». Психические феномены, в отличие от физических, не обладают формой «реального» бытия. Как отмечает Гуссерль, «психический феномен» у Brentano — это форма существования «ментального предмета» (*Inexistenz eines Gegenstandes*) (см. Гуссерль, Молчанов, 2011: 338). При этом специфическая форма «существования» таких «внутренних» предметов, согласно Brentano, примечательна именно тем, что она предполагает корреляцию психического акта и психического содержания этого акта, которая и определяет Brentановское понятие интенциональности. По сути дела все предметные содержания сознания Brentano предлагает рассматривать в качестве коррелятов психических актов. В этом отношении следует сказать, что задача Brentano состояла прежде всего в том, чтобы показать многообразие видов психических переживаний и соответствующих им «имманентных» феноменов. Интенциональность становится здесь общим принципом для *классификации совокупной сферы психических переживаний*. При этом основной интенцией, с которой в учении Brentano связывалась возможность конституирования «ментальной предметности», являлась интенция *представления*. Она выполняла нечто вроде опосредующей функции между *действительным* предметом как он есть и предметом внутренним или *ментальным*.

Гуссерль, в свою очередь, отказывается от таких понятий, как «имманентный» и «ментальный» предмет. Он пишет:

...интенциональный предмет представления есть тот же самый, как и его действительный и в данном случае его внешний предмет, и бессмысленно проводить различие между ними (там же: 387).

К «действительно имманентным» содержаниям сознания у Гуссерля можно отнести исключительно *неинтенциональные*, непредметные содержания, такие как, например, чувственные данные. Интенция представления, которая играла фундаментальную роль в учении Brentano, будучи той «интенцией», на которой выстраивались все прочие интенции «душевной жизни», у Гуссерля поддается своего рода деструкции, в результате которой достигаются «первичные интенциональные характерные свойства» (там же: 339). Эти «дескриптивные» свойства

интенциональности Гуссерль называет «родовыми» характеристиками для различных видов интендирования, будь то восприятие, представление или суждение. При этом в качестве первичной структуры всякого представления, суждения, восприятия Гуссерль предлагает выделять «подразумевающий нечто» акт в целом — акт, означающий предмет. Именно эти акты — интенции значения, по Гуссерлю, обнаруживают себя как то «всеобщее», которое не зависит от возможных видовых модификаций переживания. Согласно Хайдеггеру, они являют собой некую «структурную целостность» и результат «чистого вычленения способа интендирования бытия», которое Гуссерль осуществляет в частности для того, чтобы преодолеть психическую обусловленность интенциональности (см. Хайдеггер, Борисов, 1998: 51).

Итак, интенция представления в феноменологии, очевидно, не выполняет опосредующей функции, как если бы в ней некий «действительный» предмет воспроизводился бы посредством предмета «внутреннего». Более того, под представлением (*Vorstellung*) предмета Гуссерль, как правило, понимает никак не конституирование «наглядного образа» предмета, а саму *смыслопридающую* деятельность сознания. А это должно означать, что в «Логических исследованиях» Гуссерль вырабатывает совершенно *новое понятие интенциональности*. Как отмечает в данной связи Ж. Бенуа, Гуссерль вырабатывает понятие смысловой интенциональности (*meaning-intentionality*), в котором ясно обозначает себя «разрыв» феноменологии с «брентанизмом» (см. Benoist, 2008: 222). Ведь феноменологическую идею интенции как некоего «акта», *наделенного значением*, было бы сложно возвести к старому представлению о «ментальном акте» и его «внутреннем» содержании. Кроме того, интенцию значения нельзя трактовать как некое переживание, которое, по замечанию Ж. Бенуа, должно было бы еще как-то сопрягаться с «внешним» для него языковым знаком, для того чтобы производить «эффект значения» (см. *ibid.*). Скорее ее следует определить как проективную антиципацию, непосредственно связанную с «набрасываемым» значением и его знаком. Гуссерль, таким образом, ясно распознает, что значение как то, что принадлежит к языковой реальности, несмотря на то, что оно также является содержанием интенции, нельзя получить из ментальной или психической жизни сознания.

В этой же логике действует и ранний Хайдеггер, для которого идея понимания как проектирования, или «набрасывания» значений станет одной из ключевых идей в рамках его фундаментальной онтологии. Однако уже и в самых первых работах Хайдеггера рассуждению «о смысле

и значении» отводится особое место. Например, в диссертации «Учение о суждении в психологизме» Хайдеггер рассуждает об онтологическом статусе смысла. Как и Гуссерль, он предлагает выделять «смысл» как особую инстанцию, а именно он настаивает на том, что мир смыслов должен быть понят в качестве отдельной области специфически логического, принципиально отличной от сфер «психического», «физического» или даже «метафизического» (см. Heidegger, 1978: 170). Само «*бытие*» *смысла* он маркирует не иначе, как нечто «значимое» (*Geltung*), о котором нельзя сказать, что оно «есть», однако о нем можно сказать, что оно «имеет силу» (*es gilt*) (см. *ibid.*: 170–172). В контексте учения об интенциональности это должно означать следующее: «психическое», внутреннее содержание интенции не участвует в процессе конституирования значения, поскольку последнее обладает статусом *объективно значимого* (*Geltung*), а интенция как акт, наделенный значением, обладает собственным смысловым *содержанием*, прямым образом никак не связанным с ментальным актом как *психическим событием*.

В другом своем раннем труде Хайдеггер осуществляет реконструкцию «учения о категориях и значении» у Дунса Скота. Однако эта реконструкция определенно опирается на основные интуиции «Логических исследований», к одной из которых относится следующее утверждение:

Все интенционально подразумеваемое должно схватываться в значениях, и только то, что является сколько-нибудь предметным, сообразно сознанию (*bewußtseinsmäßig*) интенциональным, может быть выражено в значениях (*ibid.*: 316).

В данной связи Хайдеггер также пишет про различие у Дунса Скота предмета «как такового» и предмета, «данного в *Species intelligibilis*». Последний обладает особым значением, поскольку предмет в «*Species intelligibilis*» или в его *уразумеваемом виде* по сути дела означает — интендированный предмет. Это модус, в котором предмет в своем присутствии предстает перед сознанием (см. *ibid.*). И здесь Хайдеггер отмечает, что «присутствие» предмета для сознания может быть, с одной стороны, истолковано как «событие в душе» и «психическая реальность», однако такая трактовка не позволяет соотнести «*Species intelligibilis*» и само значение интендированного предмета (см. *ibid.*).

Хайдеггер указывает на эту соотнесенность идеи «уразумеваемого вида» и выражаемого значения, поскольку, по всей видимости, он усматривает в актах значения у Дунса Скота некий аналог того, как

функционируют пустые интенции значения в «Логических исследованиях». Непсихологическая трактовка идеи «уразумеваемого вида», в свою очередь, должна истолковывать «уразумеваемый вид» как то, к чему у сознания есть непосредственный доступ — как некую «идею» или «сущность», и, вместе с тем, полностью исключать идею ментального предмета как *отображения* предмета «реального». Хайдеггер здесь исходит, как представляется, из положения, что «уразумеваемый вид», будучи модусом присутствия предмета для сознания, в своей более традиционной трактовке представляет собой то изначальное, в свете которого понимается всякая конкретная вещь: подобно платоновской идее, «уразумеваемый» должен выступать в качестве самого условия возможности познания конкретной вещи. В этом смысле предмет «как таковой» представляет собой всего лишь фундамент для реализации идеи, некое потенциальное X всех возможных определений. При этом связь, на которой делает акцент Хайдеггер, — акта, направленного на предмет, и значения этого акта, говорит о том, что «Species intelligibilis» для Хайдеггера — это интендированный предмет, предмет в модусе «*так-как*» он дан сознанию, что также означает — *как* его подразумевает интенция значения. Ведь обнаружение конкретной вещи в феноменологии возможно не просто в свете идеи, но предполагает реализацию некоего «наброска» значения или «пустой интенции», которая, в отличие от идеи, обладает возможностью как исполнения, так и разочарования. Таким образом, уже в самых ранних трудах Хайдеггера просматривается развитие феноменологической идеи понимания как «проектирования» пустых интенций значения. В «Бытии и времени» Хайдеггера, как представляется, аналогом феноменологической пустой интенции значения становится идея понимания как наброска (*Entwerfen des Verstehens*). При этом, стоит отметить, что исток всех «проективных антиципаций» в этом трактате Хайдеггер описывает как некое предшествующее отдельным значениям целое значимости (*Bedeutsamkeit*), в то время как в самых первых трудах Хайдеггера возможность реализации актов значения, как и у Гуссерля, оказывается связана с представлением о «существовании» особого пространства *логического* — некоего «царства смысла».

В вышеприведенных размышлениях Хайдеггера и Гуссерля об объективной природе значений и об интендировании как реализации значения теперь следует выделить особенность, которую можно назвать ключевой, — эти размышления были бы невозможны, если они не опирались бы на определенную концепцию о том, как функционирует речь в целом. Ведь именно в речи возможна фиксация существующего зазора между

«предметом» и «явлением»—«смыслом». Как отмечает Р. Соколовски, речь всегда как бы «осциллирует» между двумя модусами «бытия» знака — выражения и указания (Sokolowski, 2002: 178). В этом отношении различие знака как указания (*Anzeige*) и знака как выражения (*Ausdruck*), о котором речь шла выше, относится не только к разделу, заполняющему семиотику в «Логических исследованиях». Гуссерль, очевидно, выделяя отдельно такую функцию словесного знака как указание на *предмет* и отдельно *выраженное им значение*, истолковывает последнее как то, что образует отдельный семантический уровень. Это означает, что значение (смысл) понимается здесь как некое несовпадающее с предметом «выражаемое» и не сводимый ни к чему иному первичный факт для «сознания».

Следует сказать, что представление о трех семантических уровнях, в котором наряду со «знаком» и «предметом» отдельно выделяется «смысл», не является открытием Гуссерля, который, скорее, руководствуется здесь классическими понятиями, выработанными в рамках традиции. Совсем не случайно, что ту же сложную семантическую модель можно найти, например, у Фреге, однако с той разницей, что понятия «смысла» и «значения» у него относятся к разным уровням этой модели: имя, под которым понимается любое «слово, знак, комбинация знаков, выражение» — утверждает он (Frege, 1948: 214), — выполняет две функции: оно «*выражает* смысл» и «указывает на» или «означает» предмет (референт). Поскольку в терминологии Фреге значение (*Bedeutung*) и предмет (*Gegenstand*) оказываются взаимозаменяемыми терминами, выражение, которое указывает на несуществующий в действительности предмет, согласно Фреге, ничего не означает, но при этом оно может обладать смыслом (*Sinn*). Разница, таким образом, заключается в употреблении понятия «значение» (*Bedeutung*), которое в «Логических исследованиях» относится к смысловому уровню. Однако принципы, формирующие саму языковую концепцию, остаются идентичными: Фреге, как и Гуссерль позднее, настаивает на том, что отсутствие предмета — реального референта — вовсе не делает выражение бессмысленным. Это означает, что речь функционирует по своим внутренним правилам, поскольку выражение, которое не отсылает к какому-либо предмету, все равно функционирует как выражение, если обладает смыслом. Потому принято полагать, что у Фреге и у Гуссерля смысл выделяется в качестве главного семантического уровня — особой, «третьей инстанции».

Такая семантическая модель может представляться излишне усложненной, если, в свою очередь, сравнивать ее с двухуровневой семантикой, в которой семантические свойства имени полностью исчерпываются в указании на предмет. Последняя очевидно преобладает в современной философии, что объясняется Г. Кунгом стремлением к «принципу экономии мышления» (см. Kung, 1972: 25). Тем не менее, это вовсе не означает, что «мир дискурса» функционирует ровно также, как и «реальность». Напротив, разница между предметом и возможным для него пространством смысла не только не устранима, но в целом всегда предполагается, когда речь идет о дискурсе. Потому, согласно Г. Кунгу, истолкование вопроса о проблемном отношении (*the puzzling relationship*) явления и реальности в терминах «ноэмы и референта» — «смысла и предмета» — является более адекватным (*ibid.*: 23).

Таким образом, описание устройства мира феноменов, как представляется, фундировано определенным представлением о том, как функционирует речь, и предполагает экспликацию смысла как отдельного семантического и онтологического уровня. Феноменологическое истолкование интенциональности как реализации значения (Гуссерль) или как проектирования на некое целое значимости (Хайдеггер) тем самым оказывается связано с концепцией языка, формируемой в рамках феноменологической философии. В настоящем разделе было показано, что феноменологическое учение об интенциональности исключает возвращение к теории репрезентации; оно трактует значение (*Bedeutung*) исключительно как *языковое* явление, принципиально невыводимое из ментальной или психической жизни сознания. При этом конституируемые и выражаемые в языке значения и смыслы, понимаются как у Гуссерля, так и у Хайдеггера, как нечто объективно значимое (*Geltung*) и, несмотря на существующий зазор между областью значимого и сущего, — как символическое или «духовное формование» (*geistige Formung*), дающее наиболее адекватное выражение всякому опыту. Однако не до конца ясным еще остается вопрос о том, каким именно образом в феноменологической философии осуществляется фиксация этого зазора между смыслом и реальностью. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующем разделе статьи.

«ПАНАРХИЯ ЛОГОСА» Э. ЛАСКА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О ЗНАЧЕНИИ

Из предыдущего рассмотрения было видно, что предмет «как таковой» у Гуссерля, как и у раннего Хайдеггера, всегда остается трансцендент-

ным для познания. Единственным его определением является «быть тождественным X » — своего рода идентифицируемость, в силу которой предмет, несмотря на многообразие его возможных определений и модусов восприятия, распознается как «тот же самый». Предмет, таким образом, представляет собой фундирующий уровень: он никогда не дан просто «как таковой», но раскрывается посредством «наложения» на него некоей проективной «формы» или пустого наброска смысла. При этом эту «трансцендентность» предмета следует отличать от представления о трансцендентности «вещи в себе», как и понятие феномена следует отличать от понятия «вещи в явлении», когда речь идет о манифестации чего-то иного — некоего «истинного» референта. Ведь феномен лишен двойственности, характерной для «вещи в явлении», он всегда оказывается определен способом его «данности», в котором он может быть квалифицирован как нечто истинное. Эту стратегию «познания» вслед за неокантианцем Эмилем Ласком, — учение о категориях которого, по замечанию Хайдеггера, развивалось под воздействием «Логических исследований» (Heidegger, 1976: 28–29), — вполне можно назвать, в отличие от *панлогизма*, — *панархией* логоса.

Панархия логоса, в свою очередь, схожа с феноменологическим методом в том, что предполагает запрет на логизирование сферы действительного — сферы «предмета». Основанием такого запрета выступает известный принцип разнородности сфер «сущего» (*Seiende*) и «значимого» (*Geltende*) — того, что действительно «существует» и того, что «имеет силу». В этом отношении предмет просто «как он есть сам по себе», согласно Ласку, представляет собой вовсе не что-то принципиально недоступное для познания — некий «потусторонний» возбудитель всех представлений. Поскольку наличие значения не относится к реальным свойствам предмета, который в этом отношении, согласно Ласку, всегда чужд значения (*Bedeutungsfremde*), предмет «как он есть» — это скорее предмет, взятый вне его смысла, вне его значимого контекста. Однако для «сознания» всякая вещь встречается исключительно как нечто значимое, именно поэтому, как представляется, Ласк предлагает описывать момент обнаружения всякой «вещи» в терминах взаимодействия формы и материи. Так, интеллигибельная структура предмета, внутри которой он становится доступным для «сознания», конституируется, согласно Ласку, в момент наложения на него — самой по себе объективной — «значащей формы». Это различие формы и ее материала обладает у Ласка, конечно, исключительно рефлексивным характером и означает, что «предмет» через наложение на него значащей формы бывает раскрыт

в каком-то отношении, но никогда полностью не исчерпан в этом акте его означивания. В терминах Ласка — он бывает лишь «освещен» или «затронут» формой значения. Феноменом у Ласка потому можно назвать то, что кажет себя там, где «сущее» бывает «затронуто» формой значения, где распознается момент «наложения формы», в которой сущее не столько в буквальном значении слова «формируется», сколько раскрывается в пространстве некой «значимости».

Философское учение Ласка, таким образом, интересно здесь тем, что оно не только хорошо встраивается в логику феноменологического исследования, но также способно ее усиливать. Примечательным в данной связи является в частности само признание непреодолимости иррационального момента сущего. Эта невозможность исчерпать предмет в акте его означивания выступает здесь в качестве позитивного условия для многообразия значений, превращая тем самым сущее в потенцию, в множество возможностей, в которых конституируются или утрачиваются различные значения. Ведь многообразие форм значения, согласно Ласку, нельзя понять логически — оно остается на стороне означаемого «материала» (см. Ласк, 2017: 79). Вместе с тем, «пространство» логического, которое конституируется, согласно Ласку, не как отдельное «царство», но как пространство «истин о предмете», определяется посредством этого многообразия отсылок-значений. Оно описывается следующим образом: изначально пустая форма смысла дифференцируется через множество отсылок, в которых определяются отдельные значения. Тем самым значение в философском учении Ласка, как и у Гуссерля, предполагает двойственность выражения и указания, его здесь можно определить как нечто среднее между пустым наброском смысла вообще и конкретным моментом указания на «материал».

При этом, стоит отметить, что в «Логике философии» есть суждение, которое посвящено непосредственно отношению «смысла и предмета» в феноменологии, где Ласк эксплицитно ссылается на «Логические исследования» (там же: 54–55). Однако именно в этом месте Ласк, кажется, несколько поспешно встраивает проводимое Гуссерлем «разделение предмета и истины, предмета и смысла» в критикуемую им «теорию двух миров» (см. там же: 54). В результате этого не совсем оправданного хода мысли смысл как «второй» мир превращается в метафизическое царство «вневременных истин», являющееся лишь *отображением* и «тенью» первого — тенью «предмета». Теорию «двух миров» Ласк, собственно, критикует за неоправданное «удвоение»: параллелизм «*ordo et connexio rerum* [порядка и связи вещей (лат.)] и *ordo et connexio*

veritatum [порядка и связи истин (лат.)]» (Ласк, 2017: 54). Этот параллелизм, согласно Ласку, проходит сквозь всю философскую традицию, которая, будучи ориентированной на регион сверх-чувственного (*Übersinnliches*) или мета-физического, была способна выработать только соответствующую ей систему категорий для «сущего».

Однако если и можно говорить о конституировании смысла в феноменологии как о *мета-физике* предмета, то только с определенными оговорками: этот процесс предполагает *трансцендирование* самого предмета. Он осуществляется как *выстраивание* «над предметом» нового типа «предметности», не все элементы которой в принципе бывают мотивированы предметным содержанием (см. Хайдеггер, Борисов, 1998: 67–68). Ведь значение, как это было показано ранее, никогда не является простой репрезентацией или «отображением» действительности, оно обладает собственной содержательностью, которую нельзя трактовать как то, что наделяет сущее реальными свойствами. Тем более это имеет отношение к категориям, особый статус которых — в том числе их онтологический статус — обусловлен отсутствием в категориях предметного содержания: будучи тем, что конституирует онтологию «предмета вообще», категории не содержат в себе указания на какой-либо предмет и потому получают трактовку формальных эйдосов у Гуссерля и предикатов, в которых сказывается само бытие, у Хайдеггера. Именно этот особый статус всех значений, включая категории, как представляется, акцентирует в конечном итоге в своих размышлениях Ласк, который полагает, что смысл как «истина» о предмете реализуется в своей принципиальной инаковости по отношению к сущему предмету: все, что «не есть», но отмечено характером *значимости*, по Ласку, должно соотноситься не с областью «сверх-чувственного», но с областью *нечувственного* (*Unsinnliches*) и *несущего*.

Таким образом, следует сказать, что Ласк в своей критике скорее демонстрирует стремление к уточнению и дополнению феноменологического учения о смысле и предмете. Ему важно показать несовпадение сфер сущего и значимого — их различие, а не «удвоение». По этой же причине он также упраздняет отношение «двух миров», предлагая вместо него «первоотношение» (*Urverhältniss*) двух элементов — формы и материи. Ласк утверждает:

Не существует соотношения «о» между двумя царствами. Но в пределах одного царства имеет место соотносительность и взаимная затронутость

между двумя структурными элементами [...] формы и материи (Ласк, 2017: 55–56).

Проводя это различие, Ласк, кроме того, по всей видимости, стремится в терминах формально-материального «первоотношения» дать истолкование идее предметной соотнесенности значения. Так, значащая форма (*Geltung*) у Ласка, поскольку она всегда бывает соотнесена с ее «материалом», превращается в «значение-к» (*Hingeltung*) (см. там же: 43). Фактически она уподобляется феноменологическому «сознанию о». Можно даже предположить, что форма «значение-к» отчасти выполняет те же функции, что и интенции значения: с одной стороны, она обладает собственным смысловым содержанием, однако этим она не исчерпывается, поскольку сам ее формальный момент заключается в том, что она всегда *указывает* «за свои пределы», на некое чуждое вне-себя (см. там же).

Конечно, эксплицитного учения об интенциональности у Ласка нет. Но, несмотря на это обстоятельство, не без основания можно утверждать, что в философском учении Ласка все сущее трактуется исключительно как «интендированное сущее», бытие которого раскрывается через «значащую форму» как нечто инаковое, а именно — как значимое, истинностное и «означенное». К. Шухман отмечает в данной связи:

«Панархия логоса», столь решительно отстаиваемая Ласком, заключается в следующем: сознание фактически достигает предмета, но никогда с ним не совпадает. Субъект погружен в мир значимости (*validity*), мир предметов становится для него миром *феноменов* через наложение формы (Schuhmann & Smith, 1993: 457).

Иными словами, в учении о значении у Ласка мы имеем дело с философским описанием открытости, свойственной миру человеческого бытия. Его истолкование отношения мира форм к области всего действительного в этом плане можно сравнить, например, с тем, как вводится и осмысливается в фундаментальной онтологии Хайдеггера идея «значимости» (*Bedeutsamkeit*)². У Хайдеггера, при этом, представление об исходной открытости мира было бы невозможно вне связи с общей концепцией о том, как функционирует речь в целом. То же самое, однако,

²Значимая конституция мира в «Бытии и времени» характеризуется той же специфической двойственностью, в силу которой, как отмечает Т. Кизиль, ее можно понять и как «полноту смысла» (*meaning-fulness*), и как «Be-deutsamkeit», которая «указывает, отсылает, означает» нечто, то есть является значимостью некой конкретной среды (см. Kisiel, 1995: 392).

справедливо и в отношении философских учений Ласка и Гуссерля, которые по сути дела представляют собой во многих своих принципах сходное учение о значении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в философских построениях Гуссерля, Хайдеггера, Ласка, несмотря на существующие концептуальные различия, определенно просматривается развитие общих интуиций, которые и делают исследование феномена значения центральным для этих учений. Размышления, будь то об отношении «значащей формы» к «материалу», смысла как «идеального коррелята» — к «предмету», «уразумываемого вида» или бытия и его смысла — к «сущему», по меньшей мере объединены в том, что они направлены на раскрытие специфики феномена значения. Более того, можно сказать, что для этих размышлений изначально существует единая рамка исследования, где само значение выступает в качестве условия возможности встречи с сущим. Это исследование трансцендентальной «истины о предмете» в феноменологической философии получает более специфическое развитие в качестве учения об интенциональности и ее коррелятах. Однако, как было показано ранее, такой ракурс исследования исключает редукцию самого значения, даже взятого как содержание интенциональности, к ментальной или психической жизни сознания. Поскольку значение изначально трактуется здесь исключительно как *языковое* явление, феноменологическое учение об интенциональности, усиленное учением Ласка об отношении мира форм к области действительного в конечном итоге не столько приобретает форму еще одной теории представления, сколько открывает перспективу на исследование «бытия» как некоего «смыслового универсума» или «мира» и его исходной открытости.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II / пер. с нем. В. И. Молчанова. — М. : Академический проект, 2011.
- Ласк Э. Логика философии и учение о категориях : пер. с нем. — М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017.
- Михальский К. Логика и время : опыт анализа теории смысла Гуссерля // Логика и время : опыт анализа теории смысла Гуссерля. Хайдеггер и современная философия / пер. с пол. Е. Твердисловой. — М. : Территория будущего, 2010. — С. 19–204.

- Хайдеггер М.* Прологомены к истории понятия времени / пер. с нем. Е. В. Борисова. — Томск : Водолей, 1998.
- Черняков А. Г.* Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. — СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001.
- Benoist J.* Linguistic Phenomenology? // *Meaning and Language : Phenomenological Perspectives* / ed. by F. Mattens. — Dordrecht : Springer, 2008. — P. 215–236.
- Frege G.* Sense and Reference // *The Philosophical Review*. — 1948. — Vol. 57, no. 3. — P. 209–230.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1967.
- Heidegger M.* Logik. Die Frage nach der Wahrheit. Bd. 21 / hrsg. von W. von Biemel. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1976.
- Heidegger M.* Frühe Schriften. Bd. 1 / hrsg. von F.-W. von Herrmann. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1978.
- Heidegger M.* Kant und das Problem der Metaphysik. Bd. 3 / hrsg. von F.-W. von Herrmann. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1991.
- Heidegger M.* Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks. Bd. 59 / hrsg. von C. von Strube. — Frankfurt am Main : Klostermann, 1993.
- Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Bd. 3/1 / hrsg. von K. von Schuhmann. — The Hague : Martinus Nijhoff, 1976.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Bd. 19/1 / hrsg. von U. Panzer. — The Hague : Martinus Nijhoff, 1984.
- Husserl E.* Logische Untersuchungen. Ergänzungsband. Zweiter Teil. Bd. 20/2 / hrsg. von U. Melle. — Dordrecht : Springer, 2005.
- Kisiel T.* The Genesis of Heidegger's "Being and Time". — Berkeley, Los Angeles, London : University of California Press, 1995.
- Kung G.* The World as Noema and as Referent // *Journal of the British Society for Phenomenology*. — 1972. — Vol. 3, no. 1. — P. 15–26.
- Mattens F.* New Aspects of Language in Husserl's Thought // *Meaning and Language : Phenomenological Perspectives* / ed. by F. Mattens. — Dordrecht : Springer, 2008. — P. IX–XIX.
- Schuhmann K., Smith B.* Two Idealisms : Lask and Husserl // *Kant Studien*. — 1993. — Vol. 84, no. 4. — P. 448–466.
- Sokolowski R.* Semiotics in Husserl's "Logical Investigations" // *One Hundred Years of Phenomenology. Husserl's "Logical Investigations" Revisited* / ed. by D. Zahavi, F. Stjernfelt. — Dordrecht : Springer, 2002. — P. 171–174.
- Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus / trans. from the German by D. F. Pears, B. F. McGuinness. — London : Taylor & Francis, 2001.

Melnikova, E. V. 2024. "Gusserl', Khaydegger i Lask [Husserl, Heidegger and Lask]: ucheniye o smysle i znachenii [The Doctrine of Sense and Meaning]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 162–182.

ЕКАТЕРИНА МЕЛНИКОВА

LECTURER

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0002-3937-1429

HUSSERL, HEIDEGGER AND LASK

THE DOCTRINE OF SENSE AND MEANING

Submitted: Apr. 03, 2023. Reviewed: Mar. 04, 2024. Accepted: Apr. 15, 2024.

Abstract: This article examines some features of the phenomenological doctrine of meaning on the basis of Husserl's "Logical Investigations", some of Heidegger's early writings, and Lask's "The Logic of Philosophy and the Doctrine of Categories". The author believes that many ideas of the Neo-Kantian Lask's doctrine can be incorporated into the more general phenomenological method and may even reinforce certain phenomenological theses. The aim of this article is to show that Husserl, Heidegger and Lask develop similar intuitions in their writings that make the study of the phenomenon of meaning one of the central elements of their philosophical doctrines. For this purpose, the first part of the article reveals the content of the basic concepts that are most directly related to the phenomenological theory of meaning, and identifies the specificity of the meaning-bestowing and the intuitive acts. This section demonstrates that the meaning intention in phenomenology has a content of its own which cannot be exhausted either in perception and intuition or in "psychic experience". The second part of the article discusses the phenomenological treatment of the concept of intentionality in Husserl and the early Heidegger. The phenomenological idea of the meaning intention is contrasted here with Brentano's interpretation of intentionality, which relies on the doctrine of mental phenomena. This section states that, in contrast to Brentano's doctrine, within the framework of the phenomenological doctrine of intentionality there is no "theory of representation" formed at all, but rather a philosophical "theory of meaning", in which meaning is not reduced to mentality, but is understood exclusively as a linguistic phenomenon. In addition, this section shows the connection between the phenomenological theory of intentionality and the three-level semantic model, which assumes the possibility of constitution of a separate Sense level in language. In the final part of the article, the phenomenological approach is interpreted by comparing it to Lask's strategy of the "panarchy of the logos". The last section reveals some of the ontological presuppositions of the doctrine of the world of phenomena through Lask's doctrine of the relation of the "world" of meaningful forms to the realm of the actual being.

Keywords: Early Phenomenology, Husserl, Early Heidegger, Lask, Meaning Intention, Sense, Phenomenon, Expression.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-162-182.

REFERENCES

Benoist, J. 2008. "Linguistic Phenomenology?" In *Meaning and Language : Phenomenological Perspectives*, ed. by F. Mattens, 215–236. Dordrecht: Springer.

- Chernyakov, A. G. 2001. *Ontologiya vremeni. Bytiye i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaydeggera* [The Ontology of Time. Being and Time in Aristotle, Husserl and Heidegger] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola.
- Frege, G. 1948. "Sense and Reference." *The Philosophical Review* 57 (3): 209–230.
- Heidegger, M. 1967. *Sein und Zeit* [in German]. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- . 1976. *Logik. Die Frage nach der Wahrheit* [in German]. Ed. by W. von Biemel. Vol. 21. Frankfurt am Main: Klostermann.
- . 1978. *Frühe Schriften* [in German]. Ed. by F.-W. von Herrmann. Vol. 1. Frankfurt am Main: Klostermann.
- . 1991. *Kant und das Problem der Metaphysik* [in German]. Ed. by F.-W. von Herrmann. Vol. 3. Frankfurt am Main: Klostermann.
- . 1993. *Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks* [in German]. Ed. by C. von Strube. Vol. 59. Frankfurt am Main: Klostermann.
- . 1998. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni [Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs]* [in Russian]. Trans. from the German by Ye. V. Borisov. Tomsk: Vodoley.
- Husserl, E. 2011. *Logicheskiye issledovaniya [Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis]* [in Russian]. Trans. from the German by V. I. Molchanov. Vol. II. Moskva [Moscow]: Akademicheskii projekt.
- Husserl, Ed. 1976. *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie* [in German]. Ed. by K. von Schuhmann. Vol. 3/1. The Hague: Martinus Nijhoff.
- . 1984. *Logische Untersuchungen. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis* [in German]. Ed. by U. Panzer. Vol. 19/1. The Hague: Martinus Nijhoff.
- . 2005. *Logische Untersuchungen. Ergänzungsband. Zweiter Teil* [in German]. Ed. by U. Melle. Vol. 20/2. Dordrecht: Springer.
- Kisiel, T. 1995. *The Genesis of Heidegger's "Being and Time"*. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
- Kung, G. 1972. "The World as Noema and as Referent." *Journal of the British Society for Phenomenology* 3 (1): 15–26.
- Lask, E. 2017. *Logika filosofii i ucheniye o kategoriyakh [Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kanon+ / ROOI "Reabilitatsiya".
- Mattens, F., ed. 2008a. *Meaning and Language: Phenomenological Perspectives*. Dordrecht: Springer.
- . 2008b. "New Aspects of Language in Husserl's Thought." In *Meaning and Language: Phenomenological Perspectives*, ed. by F. Mattens, ix–xix. Dordrecht: Springer.
- Mikhail'skiy, K. 2010. "Logika i vremya [Logika i czas]: opyt analiza teorii smysla Gusserlya [Próba analizy Husserlowskiej teorii sensu]" [in Russian]. In *Logika i vremya [Logika i czas]: opyt analiza teorii smysla Gusserlya. Khaydegger i sovremennaya filozofiya [Próba analizy Husserlowskiej teorii sensu. Heidegger i filozofia współczesna]*, trans. from the Polish by Ye. Tverdislova, 19–204. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Schuhmann, K., and B. Smith. 1993. "Two Idealisms: Lask and Husserl." *Kant Studien* 84 (4): 448–466.
- Sokolowski, R. 2002. "Semiotics in Husserl's 'Logical Investigations'." In *One Hundred Years of Phenomenology. Husserl's "Logical Investigations" Revisited*, ed. by D. Zahavi and F. Stjernfelt, 171–174. Dordrecht: Springer.
- Wittgenstein, L. 2001. *Tractatus Logico-Philosophicus*. Trans. from the German by D. F. Pears and B. F. McGuinness. London: Taylor & Francis.